

Бруно Коппитерс

ПРЕДИСЛОВИЕ (1)

Эта книга является первой из трех в серии, посвященной этническим, региональным и национальным конфликтам в бывшем Советском Союзе. Все три книги представляют собой сборники статей, появившиеся в результате осуществления коллективного научного проекта с участием пятидесяти исследователей из Западной и Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии. Научный проект финансировался Международной ассоциацией по содействию сотрудничеству с учеными из независимых государств - бывших советских республик (ИНТАС). ИНТАС - институт, поддерживаемый и финансируемый всеми пятнадцатью государствами - членами Европейского Союза (ЕС), а также Швейцарией и Норвегией, с целью содействия научно-техническому сотрудничеству по линии Восток - Запад с бывшими республиками Советского Союза. Лишь страны Прибалтики, для которых Европейским Союзом были разработаны проекты научного сотрудничества иного типа, не представлены в программах ИНТАС.

Вокруг данного научного проекта объединились западноевропейские исследователи из фламандского Свободного Брюссельского университета (Vrije Universiteit Brussel), франкоязычного Свободного Брюссельского университета (Universit Libre de Bruxelles), Автономного университета Барселоны, Килского университета (Keele University, Великобритания), Университета Флоренции и Эллингского фонда европейской и международной политики. В проекте принимали участие также 38 исследователей из бывшего Советского Союза: сотрудников Тбилисского государственного университета, Института истории Академии наук Армении, Института востоковедения Академии наук Азербайджана, Таджикского государственного университета, Самаркандского университета, Белорусского государственного университета, Института мировой экономики и международных отношений (Киев), а также Института востоковедения и Института Европы Российской Академии наук.

Тематика каждой книги ограничивается одним или двумя регионами, составлявшими Советский Союз. Первая включает статьи о Центральной Азии и Кавказе. Вторая - о региональной и этнической напряженности внутри трех славянских республик: России, Украины и Белоруссии - и между ними. В статье, посвященной Калининградской области, рассматриваются те вызовы, с которыми сталкивается этот российский анклав в прибалтийском регионе. В третьей книге основное внимание уделяется политике институтов международной безопасности (ОБСЕ и ООН), реакции стран Запада на международные кризисы, западным теориям конфликтов и моделям гражданства и западноевропейских федеральных систем. Она содержит также исследование отношений между Грузией и Западом.

Теоретический и дескриптивный анализ в этнических исследованиях

В трех книгах, предлагаемых вниманию читателя, дается обзор главных конфликтов, имеющих место на постсоветском пространстве, и некоторых институциональных механизмов, смоделированных в Западной Европе для преодоления различного типа противостояний. Это позволяет сравнить направленность, методы и терминологию двух групп исследователей, имеющих очень разную подготовку. В отличие от научной методологии западных политологов, включающей как теоретические, так и дескриптивные (описательные) методы анализа этнических и территориальных конфликтов, специалисты из бывшего Советского Союза, принимавшие участие в этом проекте, как правило, не основываются в своих поисках на конкретной теоретической традиции, избегают пользоваться установившимися моделями и концепциями, но ставят целью точное описание и объективный анализ причинно-следственных отношений в этнических и региональных конфликтах. Очевидно, нет оснований рассматривать этот проект, для которого 38

ученых представили свои статьи к публикации, как образчик противоборства различных течений в социальных исследованиях в Евразии. Недостаток интереса к теоретическим аспектам споров может, однако, считаться типичным для стержневого течения социальной науки, практикуемой в бывшем СССР. Различия между обеими группами ученых, принимавших участие в данном проекте, отражают более глубокие различия в научных традициях Востока и Запада.

Специфику социальных исследований в бывшем Советском Союзе, последствия которой для дальнейшего развития общественных наук в предстоящем десятилетии не следует недооценивать, можно объяснить реакцией на прежние научные традиции. Марксистская теория, которая существовала в бывшем СССР, была марксистской традицией особого рода. Различие между недогматическим марксистским течением и догматическим марксизмом-ленинизмом, столь характерное для дебатов среди марксистов на Западе, было неприменимо к советскому марксизму даже тогда, когда ограничения в теоретических дискуссиях были постепенно сняты в процессе демократизации во второй половине 80-х гг. Например, перестройка сняла "эмбарго" на австромарксистскую традицию, которая имела наибольшее влияние как на марксистские, так и на немарксистские исследования этнических конфликтов. Работа Отто Бауэра "Национальный вопрос и социал-демократия" рассматривалась многими исследователями марксистской мысли как наиболее важный марксистский трактат по национальному вопросу. В начале этого века его книга была переведена на русский язык, а его идеи о культурной автономии вызвали большой интерес среди грузинских интеллектуалов, особенно меньшевиков, но дискуссии по работам австромарксистов при советском правлении не допускались. Лишь во второй половине 80-х гг. некоторые советские ученые обратили свое внимание на австрийский вклад в марксизм, особенно в отношении идей о культурной автономии и использования нетерриториальных принципов в создании политических структур (2), но в целом в Советском Союзе австромарксистская мысль оставалась менее известной и изученной, чем на Западе. Кризис советского федерализма, выразившийся в жестоких этнических конфликтах второй половины 80-х гг., в частности, на Кавказе, вызывался главным образом спорными территориальными вопросами и невозможностью перекройки границ по этническим критериям иначе, как насильственными средствами. Поэтому тезис Отто Бауэра относительно возможности создания смешанной федеральной системы, в которой учитываются как территориальные, так и нетерриториальные принципы, вероятно, привлекает гораздо меньше внимания в научных кругах и среди общественности в целом (3).

Отказ от марксистской теории в исследовании национализма, национальной идентичности и этнических конфликтов не привело - за редкими исключениями (4) - к теоретической переориентации ученых. "Основополагающая теория", а также все типы марксистской теоретической аргументации были отвергнуты подавляющим большинством исследователей, и в этом отношении различные бывшие советские республики не отличаются друг от друга. Из 38 работ только одна основывалась на марксистской традиции с присущими ей положительными ссылками на марксистскую литературу и считанные единицы базировались на марксистских анализе и теоретических дискуссиях при установлении причинно-следственных взаимосвязей между различными факторами этнических и региональных конфликтов. Нехватка средств для ознакомления с трудами западных ученых - такова реальность, но, вероятно, не она является определяющей при объяснении подобного подхода. Исследовательская стратегия, принятая подавляющим большинством ученых, по-видимому, основывалась на идее о том, что прежние теоретические догмы лучше всего могут быть преодолены точным описательным и причинным анализом, а не принятием той или иной позиции в западных теоретических спорах или же теоретизированием вокруг проблем, возникавших в процессе изучения новых конкретных обстоятельств того или иного конфликта. Непригодность теоретических построений, основанных на исследовании политических структур западных стран или стран "третьего мира", для объяснения реалий постсоветского пространства кажется важным мотивом данной исследовательской установки.

Многие западные политологи не согласились бы с учеными из бывшего Советского Союза, которые считают, что существующие теории и теоретические дискуссии о национализме, национальной

идентичности и этнических конфликтах не представляют большого научного интереса. Эта позиция ведет не к открытой полемике или к откровенной критике, а скорее к индифферентному отношению к современным теоретическим спорам. Это означает, что как на Западе, так и в бывшем СССР сосуществуют как более теоретическое, так и более дескриптивное направления в анализе этнических конфликтов, но в противоположность социальным наукам на Западе, второе направление доминирует в бывшем Советском Союзе. Этот дисбаланс между обоими типами научной деятельности не обязательно препятствует международному сотрудничеству. В западном научном мире оба направления сосуществуют и ведут свои дискуссии независимо друг от друга на научных конференциях, в журналах и ассоциациях. Поэтому интеграция дескриптивной аналитической традиции, существующей в бывшем СССР, в международные научные дискуссии не станет в будущем слишком сложной задачей.

Научная объективность при изучении этнических конфликтов

В исследовании собственных региональных этнических конфликтов авторы из бывшего Советского Союза имеют решающее преимущество над западной теоретической традицией. Западные исследовательские институты в области политических наук еще только устанавливают научные связи с новыми независимыми государствами. В прошлом научные связи с Советским Союзом ограничивались главным образом контактами с московскими институтами Академии наук СССР, тесно привязанными к партийному руководству. Крушение Советского Союза привело к полному разрыву научных связей между академическими институтами различных республик. В значительной степени это было обусловлено экономическими проблемами, такими, как трудное материальное положение научных работников, заставившее их искать другие источники доходов, или же невозможность пересылки по почте книг, журналов и другой литературы. Связи между бывшим центром и периферией сильно подорвало также то исключительное внимание, которое стало уделяться в новых суверенных республиках исследованиям хода событий на собственной территории. Эта ситуация, продолжавшаяся несколько лет после исчезновения Советского Союза, имела далеко идущие последствия для анализа этнических конфликтов. Даже ученые из московских институтов, которые специализировались на регионах вне России, начали сталкиваться с огромными трудностями при получении прямого доступа к информации и источникам, освещающим политические события, имевшие место в странах, которые российское руководство стало рассматривать как ближнее зарубежье. Когда же административные границы союзных республик были превращены в международные границы, как западные, так и российские ученые оказались в сильной зависимости от качества политологических исследований, проводимых в научных центрах вне российской столицы. Наш проект ставил целью не только создание новых связей между научными центрами Запада, с одной стороны, и Центральной Азии, Кавказа, Украины и Белоруссии - с другой, но и восстановление контактов между московскими институтами и институтами вне России.

В сравнении с "внешними" наблюдателями, специалисты, работающие в Центральной Азии и на Кавказе, обладают тем преимуществом, что имеют больше информации об этнических противостояниях в их регионах. Однако они сталкиваются примерно с теми же трудностями, что и исследователи из Фландрии или Каталонии, пишущие о своих регионах - три статьи об этих областях Бельгии и Испании включены в третью книгу этой серии. Как сохранить объективный подход к этническим конфликтам, в которые вовлечены их собственные сообщества? Ведь объективный подход не исключает субъективности не только потому, что и научные концепции, и творчество основаны на субъективном восприятии в самом широком смысле, но также и потому, что каждый ученый готов защищать конкретные человеческие ценности и конкретную иерархию между противоречивыми ценностями.

Макс Вебер защищал внеценностный научный подход. Это означает не то, что такой подход должен быть свободным от защиты ценностей, а то, что ученые должны оставаться свободными при отстаивании определенных ценностей и не быть рабами своих собственных ценностей. Ценности не должны обладать властью, превращающей их в игрушку слепых страстей. Ученым приходится

защищать, и они защищают в меру своих сил определенные ценности в политике, особенно когда защита таких ценностей связана с выживанием их собственного сообщества, как это бывает во время войн или связанных с насилием этнических конфликтов. Отстаивая свои позиции, они должны осознавать последствия негативного влияния их пристрастного по необходимости подхода к обоснованности их аргументации и выводов. Это влияние их ангажированного подхода может быть сведено к минимуму только принятием всех возможных методологических предосторожностей. Субъективное представление о конфликтах должно быть основано на методах, которые в принципе приемлемы для всех или же, если этого достичь не удастся, открыты для свободного обсуждения. Источники информации должны быть доступны каждому. Гегель некогда рассматривал это предписание как применение "прав человека" к научной деятельности: научная работа должна основываться не на слепом подчинении авторитету, а на принципе, что каждый человек имеет право проверить основания каждого утверждения, сделанного от имени научной истины. Свободное обсуждение является основной гарантией объективности: научный характер анализа этнических конфликтов должен быть основан на дискуссии, в которой каждый участник заботится о том, чтобы принимать во внимание аргументы ученых, которые защищают иную, нежели он, систему ценностей.

Приведем конкретный пример. Авторы, защищающие приоритет принципа нерушимости границ над правом на самоопределение, или же наоборот, должны разработать научно обоснованную аргументацию с той же щепетильностью, какую они в полемике друг с другом проявляют к тому, чтобы не исказить аргументацию своих оппонентов. Обе стороны должны также ясно осознавать специфические трудности и слабости, связанные с защитой собственной системы ценностей. Те, кто защищает приоритет принципа самоопределения, не должны забывать о возможных негативных аспектах этой позиции в случае возникновения политической нестабильности в международных отношениях или новых проблем для меньшинств. Те, кто защищает позицию нерушимости границ в бывшем Советском Союзе, не должны пренебрегать реальным противоречием между отсутствием демократической легитимности советских государственных границ, с одной стороны, и признанием международным правом этих границ легитимными - с другой.

Установление методологических критериев для отбора первых вариантов статей, свободных от политической и национальной предвзятости в подходах к рассмотрению реальных конфликтов, было делом первостепенной важности в нашем проекте. Статьи, присланные из бывшего СССР, писались исследователями тех стран и регионов, где насильственные этнические и сепаратистские конфликты либо еще продолжаются (Грузия, Азербайджан, Армения, Таджикистан, Россия), либо происходили в прошлом (Узбекистан) или же могут иметь место в будущем (Украина). В Белоруссии политические конфликты относительно национальной идентичности приобрели особую форму, но дискутируются не менее страстно, нежели в других республиках бывшего Советского Союза. В этом отношении не существует особых различий при сравнении этих подходов с позицией западных авторов статей из третьей книги, посвященных описанию этнических конфликтов в своих странах, а именно в Бельгии и Испании, точнее - во Фландрии и Каталонии.

В процессе подготовки сборников некоторые первые варианты статей - их было прислано около пятидесяти - были признаны рецензентами и редакторами литературной эссеистикой или политической пропагандой и отклонены. Статьи, защищавшие пропагандистские тезисы о законности конкретных политических претензий или желательности урегулирования этнических конфликтов в пользу одной из сторон, принимались в той степени, в какой соблюдались указанные выше принципы и критерии. В настоящей первой книге, посвященной Центральной Азии и Кавказу, представлены даже противоположные взгляды на проблематику этнических конфликтов, как, например, в статьях об идее "Кавказского дома", написанных авторами из Азербайджана и Армении.

Региональные комплексы безопасности в бывшем Советском Союзе и изучение этнических конфликтов

В статьях, собранных в трех сборниках, рассматриваются этнические и региональные конфликты, имеющие место в странах, которые составляют пространство безопасности, охватываемое Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Именно эта организация является главной по обеспечению безопасности, в ее рамках все члены НАТО и бывшего Варшавского договора, все бывшие республики Советского Союза, а также несколько неприсоединившихся и нейтральных стран обсуждают проблемы безопасности на Евразийском континенте. Каждая из трех книг посвящена одному или двум различным регионам, входящим в пространство безопасности ОБСЕ: Кавказу и Центральной Азии; славянским республикам; Западной Европе. Цель нашего научного проекта состояла не только в сборе и издании научных трудов по этим различным регионам и в налаживании связей между исследовательскими центрами. Он был направлен не только на то, чтобы расширить и углубить понимание на Западе различных конфликтов в бывшем Советском Союзе, но и способствовать ознакомлению ученых из бывшего Советского Союза с западными научными публикациями. Эти специфические цели проекта были основаны на предположении, что было бы полезно проанализировать этнические конфликты, которые имели или имеют место в различных государствах - членах ОБСЕ, в общих научных рамках. Оказалось ли это предположение верным и подтвердили ли разноплановые статьи всех трех сборников предположение о полезности организации сотрудничества в области региональных и этнических исследований между учеными столь отличающихся друг от друга регионов?

При ответе на этот вопрос следует исходить из того факта, что пространство безопасности ОБСЕ не представляет собой единого регионального комплекса безопасности. Здесь весьма уместно использование введенного Барри Бьюзеном термина "комплекс безопасности", определяемого как группа государств, объединенных географической близостью, отношения безопасности которых связаны настолько тесно, что их национальная безопасность не может реально рассматриваться отдельно друг от друга и что можно провести линию разграничения между данным регионом и другими региональными образованиями. Влияние географии на отношения между государствами, их силовые отношения, взаимозависимость соперничества и интересов, равно как и достаточно продолжительные периоды дружбы/вражды, включая более или менее устоявшиеся отношения добрососедства, защиты, поддержки, подозрительности и страха, - все это нужно принимать во внимание при выявлении и анализе комплексов региональной безопасности (5). Если мы применим это определение комплекса региональной безопасности к пространству безопасности ОБСЕ, то увидим, что интересы безопасности разных членов ОБСЕ слишком далеки от того, чтобы составить объединенный комплекс региональной безопасности. К примеру, этнические конфликты в Центральной Азии и на Кавказе, по всей видимости, не слишком влияют на интересы безопасности западных членов этой организации. Этнические конфликты в Таджикистане, стоившие от 50 до 100 тыс. жизней и нескольких сотен тысяч беженцев, или в Грузии с ее 250 тыс. беженцев из отколовшихся республик Южной Осетии и Абхазии не привели, в отличие от гражданской войны в бывшей Югославии, к каким-либо военным акциям Запада. Даже если ОБСЕ и пыталась путем посреднической и дипломатической деятельности легитимировать себя как важный институт по сохранению региональной безопасности в Центральной Азии и на Кавказе, западная ориентация политики в этой организации продемонстрировала отсутствие достаточной заинтересованности в защите безопасности в обоих регионах в той мере, какая оправдывала бы с их стороны сколько-нибудь значительное военное вмешательство (6). Эта незаинтересованность резко контрастирует с финансовыми и политическими усилиями, предпринимаемыми в бывшей Югославии или в рамках военной интеграции восточно- и центральноевропейских стран в структуры НАТО. И в этом отношении пространство ОБСЕ, по-видимому, не представляет собой самостоятельный регион безопасности.

Дефиниция Барри Бьюзена указывает на пространственное положение как на еще один фактор, воздействующий на развитие связей безопасности, достаточно крепких для создания региональных образований, которые могут быть мысленно отделены разграничительными линиями (границами) от других регионов. В этом отношении Таджикистан и бывшая Югославия, ввиду их географического расположения, по очевидным причинам имеют очень разное значение для западного восприятия безопасности. И гражданская война в Таджикистане, и война в бывшей Югославии заставила сотни

тысяч людей покинуть свои дома. Оба потока беженцев в первую очередь захлестнули соседние страны. Соседним с Таджикистаном странам не приходилось заботиться о беженцах из бывшей Югославии, а соседям бывшей Югославии - о беженцах из Таджикистана. Связанность различных стран через значимые отношения безопасности является, согласно Бьюзену, вторым элементом, благоприятствующим появлению региональных комплексов безопасности. Связь интересов Запада со Центральной Азией имеет место, но лишь в ограниченной степени. Западные страны убеждены, что в будущем они все больше будут зависеть от импорта источников энергии из Центральной Азии. Центральноазиатские правительства стараются привлечь западные капиталовложения. Однако этого недостаточно, чтобы побудить западные правительства к более активному вмешательству в урегулирование этнических конфликтов в Центральной Азии.

Силовые отношения между государствами и взаимозависимость государственного соперничества и интересов рассматриваются как третий важный фактор. Своим присутствием в Таджикистане Россия желает подчеркнуть, что она имеет жизненные интересы, которые должна защищать в Центральной Азии, и достаточную мощь как региональная держава для разрешения конфликтов в этом регионе. Если бы в своей политике Запад занял в Таджикистане ту же позицию, как и в бывшей Югославии (если предположить, что заинтересованность Запада в энергетических ресурсах Центральной Азии была бы достаточно велика, чтобы добиваться подобного военного присутствия), то эта политика означала бы пренебрежение существующим балансом силовых отношений в российском ближнем зарубежье. Наличие прочных отношений добрососедства, защиты, поддержки, подозрительности и страха Бьюзен считает четвертым фактором, который следует принимать во внимание при определении границ комплексов региональной безопасности. В этом отношении связи между западными членами ОБСЕ, с одной стороны, и среднеазиатскими и кавказскими, с другой, развиты слишком слабо, чтобы составить единую систему безопасности.

ОБСЕ ставит целью создание всеобъемлющей структуры безопасности для Евразийского континента, но в настоящее время не может обеспечить безопасность даже того региона, который считает высокоинтегрированным. Это может быть продемонстрировано не только вышеизложенным анализом отношений между западными и центральноазиатскими и кавказскими членами ОБСЕ, но также и на примере отношений между Центральной Азией и Кавказом. В соответствии с упомянутой выше дефиницией Бьюзена национальная безопасность государств, составляющих отдельный региональный комплекс безопасности, не может рассматриваться отдельно друг от друга. Центральная Азия и Кавказ являются в этом отношении отдельными региональными комплексами безопасности, поскольку национальная безопасность Таджикистана, например, совершенно не зависит от национальной безопасности Грузии. Конфликты на Северном Кавказе имели лишь косвенные последствия для интересов безопасности среднеазиатских стран. Война в Чечне показала правительствам Центральной Азии, что для России кризис ее военных структур затрудняет навязывание военного решения этнических конфликтов. Низкий уровень мобилизации общественного мнения в мусульманских регионах России и мусульманских странах бывшего Советского Союза на солидарность с чеченской борьбой за независимость - официальная поддержка из этих регионов и государств ограничивалась главным образом гуманитарной помощью и инициативами посредничества между российским правительством и чеченскими сторонниками независимости - также показал, что религиозная принадлежность не является действенным критерием для определения границ между комплексами безопасности (Азербайджан и мусульманские республики Северного Кавказа принадлежат к иному региональному комплексу безопасности, нежели мусульманские республики Центральной Азии).

В пространстве безопасности ОБСЕ на территории бывшего Советского Союза можно выделить следующие региональные комплексы безопасности: во-первых, регион, состоящий из славянских стран вместе с Молдовой и Балтийскими государствами; во-вторых, кавказский, и в-третьих, центральноазиатский. Это не означает, что анализ этнических конфликтов, имеющих место в отдельных странах тех или иных регионов, не имеет никакого значения для других стран или регионов. Несмотря на то, что статьи первой книги касаются исключительно одного региона или одной из республик этих регионов и что они не были написаны в сравнительной перспективе, все

они анализируют исторические традиции или политические цели, которые могут рассматриваться как значимые для всего постсоветского пространства. Две работы о перспективах создания "Кавказского дома" (Грант Аветисян и Рафиг Алиев) анализируют мобилизующий потенциал этой идеи, которая с начала этого века не потеряла своей притягательной силы на Кавказе. Подобная интеграционная "мечта" присутствует и во всех других регионах, составлявших Советский Союз. Идеи объединенного среднеазиатского региона (Туркестан), интеграции Балтийских государств или воссоединения трех славянских республик являются главенствующими в указанных региональных образованиях. Региональная напряженность и конфликты - основная тема статей о Грузии (Александр Кухианидзе) и Таджикистане (Азиз Ниязи, Саид Ахмедов, Дильшод Анаркулова).

Несмотря на тот факт, что на просторах бывшего Советского Союза в настоящее время возникли различные региональные образования, сравнительный анализ территориальных и этнических конфликтов остается в высшей степени поучительным для понимания их общих исторических корней. Работы, присланные из Узбекистана, посвящены религиозной политике советского правительства (Мустафо Базаров), политическому значению религиозного фундаментализма (Аблакул Базаров) и этноконфессиональным конфликтам в исламских регионах (Равшан Марданов). Наконец, статья о грузинских интеллигентах в советский период (Нино Пирцхалава) выходит за рамки проблемы грузинской идентичности: концентрируя внимание на советской концепции интеллигенции и критикуя ее неспособность определить основные условия свободного интеллектуального развития, автор доказывает ее непригодность для формирования вообще национальной идентичности.

-
1. Я хотел бы поблагодарить Криса Десхауэра, Тео Янса, Рут Ван Дейк и Алексея Зверева за их отзывы на это предисловие.
  2. См.: Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. Спб, 1909; Carr J. E. *Le grand d,fi. Bolcheviks et Nations. 1917-1930.* Paris, 1987. P. 34; Claudie Weill, Предисловие к кн.: Bauer O. *La question des nationalit,s et la social-democratie.* Vol. 1, Paris, 1987. P. 5; Nimni E. *Marxism and Nationalism. Theoretical Origins of a Political Crisis.* London: Pluto Press, 1991. P. 219.
  3. О теории Отто Бауэра и ее современном применении к бельгийской федеральной системе см. в предисловии к третьей книге настоящей серии.
  4. См. среди других публикации Андрея Зубова из Института востоковедения РАН.
  5. См.: Buzan B. *People, States and Fear. An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era.* New York-London, 1991. P. 186-229; см. также: Coppieters B. *Conclusions: The Caucasus as a Security Complex* в: Coppieters B. (ed.). *Contested Borders in the Caucasus.* Brussels: VUBPress, 1996. P. 193-204.
  6. На эту тему см.: Ramelot V. и Remacle E. *L' OSCE et les conflicts en Europe.* Bruxelles: Les Dossiers du GRIP, 1995; Coppieters B. (ed.). *Contested Borders in the Caucasus,* op. cit.